

DOI 10.35775/PSI.2025.76.11.006

УДК 32

Н.В. ПАВЛОВ

кандидат юридических наук, доцент
кафедры административного и финансового права
Кубанского государственного аграрного университета
им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар
E-mail: nik281@mail.ru

А.А. СТРЕЛЬНИКОВА

студентка факультета управления
Кубанского государственного аграрного университета
им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар
E-mail: arina_strelnikova.25@mail.ru

Э.Э. ЛАРИЧЕВА

студентка факультета управления
Кубанского государственного аграрного университета
им. И.Т. Трубилина, Россия, г. Краснодар
E-mail: larichevaela2006@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается проблема разграничения административной и уголовной ответственности в российском праве. Авторы анализируют причины стирания границ между отмеченными видами ответственности, включая дублирование норм, расширение составов преступлений и субъективную оценку общественной опасности деяний. Особое внимание уделяется институту административной преюдиции, когда повторное административное правонарушение влечет уголовную ответственность, а также нечеткости законодательных критериев, что приводит к ошибкам в правоприменении и нарушению принципа справедливости. На основе анализа судебной практики и научных работ выявлены коллизии при квалификации однородных деяний, в том числе в сферах дорожного движения, экономики и общественного порядка. Предлагаются пути совершенствования законодательства: унификация терминологии, конкретизация оценочных понятий и возможность введения уголовной ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: административная ответственность, уголовная ответственность, общественная опасность, административная преюдиция, КоАП РФ, УК РФ, правоприменение.

Административное наказание, являясь одной из ключевых мер административного принуждения, призвано обеспечивать соблюдение установленных правил поведения в различных сферах общественной жизни, поддерживать

правопорядок и защищать права и законные интересы граждан и организаций. Однако, как показывает практика, эффективность административных наказаний в достижении заявленных целей (предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами), закрепленных в статье 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), остается не на должном уровне [8. С. 90-94].

Актуальность соотношения административной и уголовной ответственности в российском праве обусловлена постоянной необходимостью баланса между эффективностью правоприменения и защитой прав личности. В условиях расширения составов преступлений и одновременного ужесточения административного законодательства возникает риск дублирования норм, размытия границ между видами ответственности и, как следствие, неоправданного применения карательных полномочий государства. Особенно остро эта проблема проявляется в сферах экономической деятельности, информационной безопасности и общественного порядка, где одни и те же действия могут квалифицироваться как административные правонарушения или преступления в зависимости от субъективной оценки последствий или умысла.

Кроме того, судебная практика и законодательные инициативы все чаще сталкиваются с необходимостью уточнения критериев разграничения — в первую очередь степени общественной опасности деяния. Это требует системного подхода к кодификации и интерпретации норм КоАП РФ и УК РФ, а также выработки единых методологических основ для правоприменителей. Актуальность темы подчеркивается и международными обязательствами России в области соблюдения принципа законности и справедливости наказания, что делает корректное разграничение административной и уголовной ответственности не только доктринальной, но и практической задачей современного правопорядка.

Публично-правовая ответственность представляет собой одну из ключевых категорий права, направленную на обеспечение соблюдения норм и принципов, установленных государством для регулирования общественных отношений. В рамках публичного права выделяют несколько видов ответственности: административную, уголовную, дисциплинарную, конституционную и другие. Административная ответственность занимает особое место в этой системе, поскольку она направлена на защиту общественного порядка, прав и интересов граждан, а также на обеспечение исполнения законов и подзаконных актов [4. С. 300-304].

В научной работе Н.Л. Романовой основное внимание уделено проблемам разграничения преступлений и административных правонарушений через призму общественной опасности и института административной преюдиции [9. С. 25-28]. Автор приходит к выводу, что ключевым критерием различия между уголовной и административной ответственностью остается степень общественной опасности деяния. При этом исследователь подчеркивает, что административные правонарушения все же обладают минимальной общественной опасностью, а переход количественных изменений (например, повторность нарушений) в качественные (превращение проступка в преступление) объясняется законами

диалектики. Н.Л. Романова выступает в поддержку административной преюдиции как инструмента повышения эффективности борьбы с правонарушениями, особенно в сфере экологии, транспортной безопасности и экономики.

А.А. Смолиенко констатирует отсутствие четких законодательных критериев разграничения данных видов ответственности, что ведет к ошибкам в правоприменительной практике [10. С. 333-335]. Автор отмечает, что несмотря на формальное отсутствие признака общественной опасности в определении административного правонарушения (ст. 2.1 КоАП РФ), на практике многие деяния, формально квалифицируемые как административные, все же несут угрозу общественным интересам. А.А. Смолиенко подчеркивает риски «стирания границ» между отраслями из-за расширения санкций в административном праве — вплоть до появления гипотетической «уголовно-административной» отрасли.

Оба автора сходятся во мнении, что разграничение должно основываться не только на формальных признаках, но и на содержательной оценке характера и степени вреда, причиненного общественным отношениям. Н.Л. Романова делает акцент на необходимости совершенствования института административной преюдиции и даже предлагает рассмотреть возможность введения уголовной ответственности юридических лиц, ссылаясь на международный опыт и логику системности правового регулирования. В то же время А.А. Смолиенко настаивает на унификации терминологической базы и четком законодательном закреплении различий между преступлением и административным правонарушением, чтобы избежать произвольной квалификации одних и тех же деяний по-разному.

В современном российском праве наблюдается тесная взаимосвязь между нормами УК РФ и КоАП РФ. Как отмечают Н.Л. Романова,

А.А. Смолиенко, а также И.В. Пантюхина и С.А. Сидорова, эта связь проявляется в нескольких формах: конструирование преступлений на основе административных деликтов, использование административного правонарушения как признака состава преступления, наличие смежных или конкурирующих норм, а также применение института административной преюдиции.

Особенно остро стоит проблема разграничения деяний, когда одно и то же поведение может квалифицироваться и как административное правонарушение, и как преступление — в зависимости от последствий, умысла или совершения правонарушения повторно.

Особое внимание исследователи уделяют так называемым «переходным» нормам, где административное правонарушение при определенных условиях (например, при крупном ущербе, повторном совершении или наличии специальных мотивов) трансформируется в уголовно наказуемое деяние. Так, по мнению Н.Л. Романовой, ключевым критерием остается степень общественной опасности, которая количественно может выражаться в размере ущерба, а качественно — в повторности или систематичности нарушения. При этом И.В. Пантюхина и С.А. Сидорова подчеркивают, что законодатель не всегда последователен в построении таких норм, что ведет к квалификационным ошибкам и нарушению принципа справедливости.

К числу наиболее ярких примеров «перехода» от административной к уголовной ответственности относятся деяния в сфере дорожного движения. Как разъясняет прокуратура Оренбургской области, управление транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ) при повторном совершении после административного наказания влечет уголовную ответственность по ст. 264.1 УК РФ. Аналогично, нарушение ПДД без тяжких последствий — административное правонарушение (ст. 12.24 КоАП РФ), но если вред здоровью — тяжкий или наступила смерть, применяется ст. 264 УК РФ.

Существуют и другие сферы, где граница размыта. Например, мелкое хищение (до 2500 руб.) квалифицируется по ст. 7.27 КоАП РФ, а свыше этой суммы — по ст. 158 УК РФ (кража). Уничтожение или повреждение чужого имущества без «значительного ущерба» — ст. 7.17 КоАП РФ, а при значительном ущербе — ст. 167 УК РФ. Однако, как отмечают Пантюхина и Сидорова, понятие «значительного ущерба» зависит от имущественного положения потерпевшего, что делает квалификацию субъективной и нестабильной. Это создает риски нарушения принципа равенства граждан перед законом. Особую сложность представляют составы с административной преюдицией, где повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность. К таким относятся, например:

— ст. 151.1 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкоголя) — после привлечения по ст. 6.10 КоАП РФ;

— ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство) — при крупном доходе, тогда как ст. 14.1 КоАП РФ регулирует мелкие случаи;

— ст. 212.1 УК РФ (неоднократное нарушение порядка проведения публичных мероприятий) — после административных взысканий по ст. 20.2 КоАП РФ.

И.В. Пантюхина и С.А. Сидорова указывают на отсутствие единообразия в сроках, количестве нарушений и определении «повторности», что затрудняет правоприменение и ведет к формальным ошибкам (например, если постановление по КоАП РФ еще не вступило в силу) [7. С. 145-162]. Наконец, проблематичными с точки зрения разграничения являются нормы, использующие одинаковые формулировки, но различающиеся лишь степенью последствий или мотивами.

Например, ст. 20.3.1 КоАП РФ и ст. 282 УК РФ обе регулируют возбуждение ненависти, но уголовная ответственность наступает при наличии признаков опасности для общества. Аналогично, хулиганство: ст. 20.1 КоАП РФ — мелкое, ст. 213 УК РФ — с применением оружия или по мотивам ненависти. В таких случаях отсутствие четких критериев в законе приводит к произвольной квалификации, что подтверждается как А.А. Смолиенко, так и И.В. Пантюхиной с Сидоровой. Авторы сходятся во мнении: необходима законодательная унификация терминов, конкретизация оценочных понятий и четкое разграничение сфер применения административных и уголовных норм [6. С. 36-50]. Отмеченные случаи демонстрируют, что даже при фактической повторности деяния суд вынужден прекращать уголовное преследование из-за формального отсутствия административной преюдиции.

Таблица 1. Статьи КоАП РФ, переходящие в уголовную ответственность при определенных условиях

Статья КоАП РФ	Условие	Статья УК РФ
ст. 12.8 — управление ТС в состоянии опьянения	Повторное нарушение после административного наказания	ст. 264.1
ст. 12.24 — нарушение ПДД, повлекшее легкий/средний вред здоровью	Причинение тяжкого вреда здоровью или смерти	ст. 264 (ч. 2, 4, 6)
ст. 7.27 — мелкое хищение (до 2500 руб.)	Хищение на сумму свыше 2500 руб.	ст. 158, 159, 160
ст. 7.17 — уничтожение/повреждение имущества	Причинение «значительного ущерба» гражданину	ст. 167
ст. 8.37 — нарушение правил охоты	Причинение крупного ущерба, использование запрещенных методов	ст. 258
ст. 6.10 — вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкоголя	Повторное вовлечение после административного наказания	ст. 151.1
ст. 20.2 — нарушение порядка проведения публичных мероприятий	Неоднократные нарушения (более 2 раз за год)	ст. 212.1
ст. 14.1 — осуществление предпринимательской деятельности без регистрации	Причинение крупного ущерба или получение дохода в крупном размере	ст. 171

Суды в Российской Федерации нередко сталкиваются с трудностями при разграничении административной и уголовной ответственности, особенно когда одно и то же деяние формально подпадает под признаки как административного правонарушения, так и преступления. Ключевым критерием формально выступает степень общественной опасности, однако на практике этот признак часто носит оценочный характер. Например, понятие «значительного ущерба» в ст. 167 УК РФ зависит от имущественного положения потерпевшего, что делает квалификацию субъективной и нестабильной, а судебные решения — противоречивыми [3].

Особую сложность представляет применение норм с административной преюдицией, когда уголовная ответственность наступает лишь при повторном

совершении административного правонарушения. Суды сталкиваются с процессуальными коллизиями: например, если постановление по КоАП РФ еще не вступило в законную силу на момент повторного нарушения, формально отсутствует состав преступления (ст. 264.1 УК РФ). Такие случаи, описанные в судебной практике и отмеченных научных работах, демонстрируют, что даже при фактической повторности деяния суд вынужден прекращать уголовное преследование из-за формального отсутствия административной преюдиции.

Другая проблема — отсутствие четких критериев разграничения в законодательстве. Как указывает Д.В. Осинцев многие составы в КоАП РФ и УК РФ дублируют друг друга или различаются лишь по оценочным признакам (например, «мелкое хулиганство» — ст. 20.1 КоАП РФ и «хулиганство» — ст. 213 УК РФ). Судам приходится опираться на собственное усмотрение при определении наличия «явного неуважения общества» или «мотивов ненависти», что ведет к неоднородной практике и нарушению принципа равенства перед законом [6. С. 36-50].

Также возникают коллизии при одновременном привлечении к разным видам ответственности за одно и то же деяние. Судебная практика показывает, что если лицо уже привлечено к административной ответственности за конкретные действия (например, указание недостоверных сведений при получении субсидии), последующее возбуждение уголовного дела по тем же обстоятельствам нарушает принцип *ne bis in idem* (запрет на повторное уголовное преследование, осуждение и наказание лица за преступление, за которое оно уже было окончательно осуждено или оправдано по ст. 50 Конституции РФ и ст. 6 УК РФ). В российском праве этот принцип закреплен в пункте 1 ст. 50 Конституции РФ. Кассационные суды все чаще отменяют приговоры, если установлено, что административное наказание уже вступило в силу, поскольку это исключает возможность уголовного преследования за то же правонарушение [3].

Наконец, суды испытывают затруднения при квалификации деяний с участием юридических лиц, поскольку последние не могут нести уголовную ответственность, но активно привлекаются к административной. В ситуациях, когда действия организации формально содержат признаки преступления (например, экологические нарушения), суд вынужден выбирать между административной ответственностью юридического лица и уголовной — его должностных лиц, что создает риски формального подхода и ухода от реальной ответственности. Все это подтверждает вывод о необходимости законодательного уточнения критериев разграничения и унификации терминологии в КоАП РФ и УК РФ.

Законодательство Российской Федерации носит динамичный характер, особенно это касается административной ответственности. От правильности применения норм права зависит не только уровень правосознания общества, но и многие свободы, важнейшей из которых является свобода экономической деятельности [5. С. 197-199].

Российской системе могла бы пригодиться гибкость подхода, вместо жесткого разделения на преступления и административные правонарушения — шкала правонарушений. Целесообразно ввести «гибридные» составы правонарушений,

позволяющие квалифицировать одно и то же деяние либо как административное, либо как уголовное — в зависимости от обстоятельств дела, тяжести последствий и личности правонарушителя. Такой подход устранил несоответствие между формальными признаками состава и реальной общественной опасностью деяния.

Следует рассмотреть возможность декриминализации ряда малозначительных преступлений, включая мелкие кражи или правонарушения безотягчающих обстоятельств, с переводом их в категорию административных правонарушений. При этом размеры штрафов за такие деяния необходимо существенно увеличить. Это позволит снизить нагрузку на уголовную юстицию, одновременно обеспечивая значимую финансовую ответственность. Отказ от уголовного преследования в подобных случаях предотвратит неоправданное наложение судимости. Сохранение высокого уровня санкций в административном порядке обеспечит сдерживающий эффект. Подобная реформа повысит гибкость правоприменения и справедливость системы ответственности.

Российский подход, ограничивающийся административными санкциями для компаний, не создает адекватных рисков для бизнеса, совершающего серьезные правонарушения в сфере экологии, финансов или промышленной безопасности. Внедрение нового института в части характера преступлений и определения их тяжести стало бы мощным стимулом для корпоративного соблюдения закона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Актуальные проблемы административного права / Э.Э. Аблякимова, И.В. Бондарчук, С.Б. Буц [и др.]. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Арина», 2022.
2. **Архиреева А.С., Маклаков А.А.** Актуальные проблемы соотношения уголовной и административной деликтной политики в Российской Федерации // Эпомен. 2018. № 20.
3. Государство и право России в контексте вызовов современного мира: сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации, Волгоград, 06 декабря 2023 года. Волгоград: РАНХиГС, 2024.
4. **Колесова В.Н., Павлов Н.В.** Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // Государство, общество, личность: история и современность: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 25-26 апреля 2025 года. Пенза: Пензенский государственный университет, 2025.
5. **Лашко Т.Е., Павлов Н.В.** Аспекты нововведений в закон об административной ответственности // Евразийский юридический журнал. 2025. № 1 (200).
6. **Осинцев Д.В.** Уголовная и административная ответственность: союзники или антагонисты? // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 3.

7. Пантюхина И.В. Формы взаимодействия охранительных норм КоАП РФ и УК РФ: проблемы разграничения и квалификации преступных деяний // Эпомен. 2022. № 67.
8. **Рассолова Д.А., Зарецкий Я.В., Миронов В.И.** Проблема практической реализации целей административного наказания // Eromen. Global. 2025. № 65.
9. **Романова Н.Л.** Некоторые вопросы соотношения уголовной и административной ответственности // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 2 (20).
10. **Смолиенко А.А.** Сравнительный анализ административной и уголовной ответственности: проблемы разграничения // Молодой ученый. 2021. № 48 (390).

N.V. PAVLOV

PhD in Law, Associate Professor
of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University named
after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

A.A. STRELNIKOVA

Student of Management Faculty
Kuban State Agrarian University named
after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

E.E. LARICHEVA

Student of Management Faculty
Kuban State Agrarian University named
after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

ON THE QUESTION OF THE CORRELATION BETWEEN ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LIABILITY

The article deals with the problem of differentiation of administrative and criminal liability in Russian law. The authors analyze the reasons for blurring the boundaries between the mentioned types of liability, including duplication of norms, expanding the scope of crimes, and subjective assessment of the public danger of acts. Special attention is paid to the institution of administrative prejudice, when a repeated administrative offense entails criminal liability, as well as the lack of clarity of legislative criteria, which leads to errors in law enforcement and violation of the principle of justice. Based on the analysis of judicial practice and scientific works, conflicts were identified in the qualification of homogeneous acts, including in the areas of traffic, economy and public order. The author suggests ways to improve the legislation: unification of terminology, specification of evaluation concepts, and the possibility of introducing criminal liability of legal entities.

Key words: administrative responsibility, criminal liability, public danger, administrative prejudice, Administrative Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, law enforcement.